

ВАВИЛОН

Пол Кривачек

МЕСОПОТАМИЯ

И РОЖДЕНИЕ

ЦИВИЛИЗАЦИИ

М В – Д С С Д О Н. Э.

Memorialis

Пол Кривачек

**Вавилон. Месопотамия и
рождение цивилизации.
MV–DCC до н. э.**

«Центрполиграф»

2010

УДК 94(358)
ББК 63.3(0)31

Кривачек П.

Вавилон. Месопотамия и рождение цивилизации. MV–DCC до н. э.
/ П. Кривачек — «Центрполиграф», 2010 — (Memorialis)

Книга Пола Кривачека представляет собой яркий эпический обзор древней Месопотамии. Автор искусно описывает различные культуры, императоров и царей, которые правили в Месопотамском регионе с 4000 по 700 г. до н. э. В книге оживает повседневная жизнь многих людей того времени, и не только правителей и представителей элиты, но и среднего сословия. Кривачек касается и различных социальных аспектов древней Месопотамии, таких как религия, экономика, образование, военное дело, и даже дает представление о развитии женоненавистничества, рассказывает о вавилонских артефактах, найденных археологами в XIX и XX вв. Автор также показывает, как изменение окружающей среды влияло на древнее общество. Исторические очерки Кривачека являются и своеобразным наблюдением того, как уроки древнего мира могут помочь современным людям.

УДК 94(358)
ББК 63.3(0)31

© Кривачек П., 2010
© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	15
Эриду	15
Бог прогресса	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пол Кривачек

Вавилон. Месопотамия и рождение цивилизации. MV – DCC до н. э.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

This edition published by arrangement with Atlantic Books Ltd. and Synopsis Literary Agency.
Paul Kriwaczek

Babylon. Mesopotamia and the birth of civilization

Copyright © Paul Kriwaczek, 2010

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Я выражаю свою благодарность своему брату Фрэнку Кривачеку за его помощь в получении доступа к документам и периодике, которые в противном случае не оказались бы в моем распоряжении, и, как всегда, своему литературному агенту и доброму другу Мэнди Литтл за ее бесценную поддержку и мудрое руководство.

История, которая не наполняет смыслом современные проблемы, есть немногим более чем потворствующее своим желаниям собирательство и изучение древностей.

Квентин Скиннер, профессор современной истории Кембриджского университета, вступительная лекция, 1997 г.

Глава 1. Уроки прошлого

Саддама Хусейна повесили в первый день праздника жертвоприношений Ид-аль-Адха – 30 декабря 2006 г. Это не была достойная казнь. Когда я читал газетные сообщения об этом ужасном – и неумелом – варварском акте, больше похожем на месть, нежели на справедливое возмездие, и смотрел видео, появившиеся в мобильном телефоне сразу же после этого, я был не единственным, кто чувствовал, что повседневный журналистский язык не может охватить такие беспримерные, неординарные события.

Армия жестокого тирана распадается. Сам он спасается бегством, исчезает на некоторое время из виду, но в конечном счете его обнаруживают, грязного и заросшего бородой, забившегося, как животное в нору. Его берут в плен, публично унижают, держат в одиночном заключении тысячу дней и ставят перед судом, приговор которого известен заранее. Осуществляя процедуру повешения, его торжествующие палачи чуть не отрывают ему голову.

Как и в библейские времена, Бог снова заговорил с людьми, наставляя тех, кто вершил историю. На тайном совещании высокопоставленных военачальников в Кувейте во время подготовки к Первой войне в Персидском заливе Саддам сказал, что он вторгся в Кувейт по недвусмысленному указанию Небес: «Бог мне свидетель в том, что это Он хотел, чтобы случилось то, что случилось. Это решение мы получили почти готовым от Бога... Наша роль в этом решении была почти никакая».

В документальном фильме Би-би-си, который транслировали по телевидению в октябре 2005 г., министр иностранных дел Палестинской администрации Набиль Шаат вспоминал, что «президент Буш сказал всем нам: „Я выполняю поручение Бога. Бог сказал мне: „Джордж, иди и вой с этими террористами в Афганистане“. И я воевал. А потом Бог сказал мне: „Джордж, иди и положи конец тирании в Ираке...“ И я сделал это. И теперь я снова чувствую, что Бог обращается ко мне».

Не было бы неожиданностью, если бы этот конфликт начался с голоса, раздавшегося с небес: «О президент Саддам!», и продолжился бы, как в Книге пророка Даниила (4: 13): «Эти слова обращены к тебе. Царство у тебя отнято. И они прогонят тебя от людей, и твое жилище будет с дикими зверями в поле». Нужен язык Ветхого Завета, чтобы передать подробности кончины С. Хусейна во всей их почти мифической полноте. Итак:

«Было утро Шаббата еще до восхода солнца. И они привезли его в город на место казни.

И по своему обычаю перед казнью они связали ему руки и ноги. Они поносили его, говоря, что наступает конец сильному миру сего и „да будь ты проклят Богом“.

Они надели ему веревочную петлю на шею и снова поносили его, восхваляя имена и звания его врагов, посылая проклятия на его голову и говоря „Да провалиться тебе в преисподнюю“.

Он ответил: „И в этом ваша храбрость? Эта виселица – позор“.

И они опять заговорили с ним, советуя подготовиться к встрече с Богом. Он стал молиться Богу, говоря, что нет Бога, но есть Господь.

Так они повесили его. И на месте казни раздались громкие крики, а также на улицах и рынках. Было утро Шаббата, когда солнце встало над стенами Вавилона».

Взгляд на войну Джорджа У. Буша в Ираке через призму Библии – не просто изощренная метафора, а реакция человека вроде меня, ребенком узнавшего историю Среднего Востока посредством Библии. Саддам тоже видел себя преемником правителей древности. Он брал себе за образец Навуходоносора II (605–562 до н. э.) – завоевателя и разрушителя Иерусалима и его храма, называя этого человека сложным анахронизмом «араб из Ирака», который воевал, как и сам Хусейн, против персов и иудеев (Навуходоносор был не арабом, а халдеем; Ирак не появится еще две с половиной тысячи лет; а иудаизм, как мы знаем, еще не существовал). На эмблеме Международного фестиваля в Вавилоне в 1988 г. был изображен профиль Саддама на фоне профиля Навуходоносора. По словам журналиста «Нью-Йорк таймс», его нос был удлинён на этом изображении, чтобы придать ему еще большее сходство с царем Месопотамии. Хусейн также чтит Хаммурапи (1792–1750 до н. э.) – правителя Древневавилонского царства, известного своим сводом законов («око за око»), и назвал самую мощную ударную группировку иракской армии танковой дивизией республиканской гвардии «Хаммурапи»; другим подразделением была мотопехотная дивизия «Навуходоносор».

Иракский лидер был, по словам корреспондента Би-би-си Джона Симпсона, «заядлым строителем памятников самому себе» и занимался масштабными строительными проектами, сознательно подражая своим прославленным предшественникам. На огромных изображениях иракский лидер, подобно древнему шумерскому монарху, нес на плече корзинку со строительным инструментом, хотя древних изображали несущими первую порцию глины для изготовления кирпичей, тогда как Саддам представал с корытом цемента. Он начал масштабную реконструкцию Древнего Вавилона, хотя эти его работы, по словам одного историка – знатока архитектуры, были «жалкой стилизацией, зачастую ошибочной по масштабу и в деталях». Подобно монархам древних времен, Хусейн распорядился подписывать кирпичи своим именем; на тысячах кирпичей зафиксирована надпись: «Вавилон Навуходоносора был восстановлен в эпоху вождя – президента Саддама Хусейна». Никогда не проявляя излишне хорошего вкуса, он распорядился написать этот текст на современном арабском языке, а не вавилонской клинописью.

Политические причины, по которым Хусейн был озабочен связью с далеким домусульманским прошлым своей страны, просты. Как в случае с шахом соседнего Ирана, который в 1971 г., как известно, заявил о своем родстве с Киром Великим – основателем первой Персидской империи Ахеменидов, любая степень лидерства на Среднем Востоке требует, чтобы претендент сначала нейтрализовал притязания священных Мекки и Медины в Саудовской Ара-

вии – городов пророка – на то, что они являются единственным первоначальным источником исламской легитимности.

Есть много иронии в том, что англо-американская политика на Среднем Востоке, начиная от операции «Аякс» с целью смещения в 1953 г. со своего поста демократически избранного премьер-министра Мохаммеда Мосаддыка, антиклерикала и социалиста, до свержения антиклерикала диктатора-националиста Хусейна в 2003 г., фактически служила, если даже и не намеренно, тому, чтобы обеспечить власть ислама почти во всех странах этого региона, тем самым неизбежно поддерживая притязания салафитского ислама, который берет за образец непосредственных преемников пророка для принятия единственно истинных принципов с целью построения законного политического строя.

Наверное, Саддам – кем бы еще он ни был, а он не являлся ни глупым, ни политически близоруким человеком – также признавал другую, даже еще более важную истину в отношении силовой политики на Среднем Востоке. Образ жизни людей и понимание мира, вероятно, совершенно трансформировались с древних времен, но мы неоправданно льстим себе, если думаем, что по своему поведению сильно отличаемся от наших предков или тысячелетия очень изменили человеческую природу.

История гласит, что за этот регион, который греки называли Месопотамией, потому что он располагался между реками Тигром и Евфратом, воевали римляне и парфяне, византийцы и Сасаниды, мусульмане и волхвы, пока грубые чужеземцы – монголы и турки – завоеватели из далекой Центральной Азии и других регионов не устроили здесь пустыню и не назвали ее благодатью. Никто, хотя бы мимолетно знакомый с историей этого края, не мог бы удивиться его впадению в смуту после того, как в 1920-х годах с шеи Ирака упало тяжелое османское иго, или в хаос – после свержения в наши дни тирании партии БААС, которая удерживала вместе три бывшие провинции Османской империи, враждебные по отношению друг к другу и внешне объединенные только Лигой Наций, чтобы позволить великим державам добывать нефть.

Но попытки захватить власть на плодородной Месопотамской равнине начались даже еще задолго до римлян. На самом деле вдвое раньше. И хотя древние государства, соперничавшие за владычество, давно уже превратились в пыль, отзвуки их конфликтов все еще доносятся до нас.

Шумный и бурно развивающийся город, который в настоящее время называется Шуш, расположенный на юго-западе Ирана, где подножия Загросских гор тянутся к Месопотамской равнине, находится не более чем в 55 км от иракской границы и в 70 км от реки Тигр. Его улицы раскинулись по обоим берегам неспешно текущего притока реки Каркхех. Воздух здесь имеет сероватый оттенок из-за выхлопов не очень исправных автомобилей, которые борются за место под солнцем с толпами пешеходов, множеством велосипедов и людей, толкающих тяжело нагруженные тележки. Шуш – древний город Сузы – место действия библейских книг Неемии, Эсфири и Даниила: «Я был в шушанском дворце... – как гласит рассказ Даниила о его видениях (8: 2), – и увидел, будто я у реки Улай». Встаньте в наши дни на главной улице, которая идет параллельно реке, и вы не сможете не почувствовать древность этого места.

Перед вами между дорогой и берегом реки находится, как считают, древняя гробница самого Даниила – в ней нет ничего древнееврейского, просто мусульманская постройка с необычным спиралевидным конусом наверху из белой штукатурки (все, что происходило с Даниилом, случилось приблизительно в VI в. до н. э., а эта гробница датируется 1871 г.). Эту святыню очень чтят местные мусульмане-шииты. Посетители идут сюда нескончаемым потоком, чтобы упасть на колени, прочесть молитвы и поцеловать искусно выкованную позолоченную металлическую решетку, за которой стоит саркофаг.

На другой стороне улицы возвышается огромный холм – это место, на котором находился древний город. На его вершине сохранились каменные обломки – все, что осталось от зимней

столицы персидских царей династии Ахеменидов. Обойдите развалины – вы будете ходить по осколкам кирпичей и керамики, которым может быть 5 тысяч лет, потому что Сузы – одно из самых древних постоянно обитаемых поселений в мире – основано, вероятно, не позднее 5-го тысячелетия до н. э. С середины 2-го тысячелетия до н. э. оно являлось столицей государства Элама, подчинившего себе эту часть Ирана задолго до прихода персов. Сузы основал народ, который, вполне возможно, исходя из лингвистических фактов, был родственным людям, говорившим на дравидийских языках, вроде каннада и малаялам, тамильского и телугу, – в настоящее время они сохранились только в Южной Индии.

Если бы вы приехали сюда, как и я, в 2001 г., то увидели бы возведенное у подножия этого холма вдоль тротуара длинное одноэтажное временное здание. В нем размещалась выставка, подробно освещавшая ужасные страдания городских жителей в ходе ирано-иракской войны – долгой борьбы, которая началась с нападения на Иран, санкционированного Хусейном в 1980 г., и закончилась, когда аятолла Хомейни неохотно подписался под соглашением о прекращении огня, приравняв свои действия к «принятию яда». По сообщению «Нью-Йорк таймс», окончательный обмен военнопленными произошел только 17 марта 2003 г. – лишь за шесть дней до следующей катастрофы нападения на Хусейна «коалиции добровольцев». Представьте себе ощущения бывших пленных, освобожденных после столь многих лет жестокого заключения, которым сразу же пришлось столкнуться с американской доктриной «Шок и трепет».

Хотя Шуш так и не был взят иракскими вооруженными силами, в какой-то момент он оказался чуть более чем в 3 км от линии фронта этого жестокого конфликта, который, казалось, повторял самые бесчеловечные крайности войны в Европе в 1914–1918 гг.: окопная война, штыковые атаки, самоубийственные штурмы и беспринципное использование одной стороной конфликта химического оружия. К этому добавились новые гротескные особенности: атаки Ирана «людская волна» и использование им в качестве мучеников юных добровольцев – живых минных тралщиков. Было более миллиона человеческих жертв; десятки тысяч гражданских лиц получили ранения.

Иранской культуре присуще прославление священного мученичества. На выставке, расположенной на главной улице Шуша, сохранился один из оборонительных окопов, вырытых в то время, когда существовал страх того, что город падет под натиском сил Саддама. В 2001 г. в нем все еще можно было увидеть множество обломков, оставшихся после прямых попаданий артиллерийских снарядов, смятую стальную каску, изорванный и запятнанный кровью ботинок, покореженную и погнутую скорострельную винтовку. Невыразимо потрясающие фотографии погибших в Шуше напомнили западным туристам о культурных различиях, касающихся того, какие ужасы можно демонстрировать публично. Выставки, имевшие целью воскресить в памяти реальности Первой мировой войны в Лондонском Имперском военном музее, потрясают, но не могут сравниться с ужасами, представленными в Шуше изображениями страшного кровопролития, которое происходило здесь чуть более десяти лет назад. У выхода можно было прочесть о том, как Саддам пытался завоевать провинции Хузестан, Илам и Керманшах, чтобы включить их в свою нечестивую империю; как Иран мужественно оказывал сопротивление, а затем взял реванш, успешно нанося сильные военные удары по Ираку до тех пор, пока из соображений гуманности не было милостиво заключено соглашение о прекращении огня под эгидой ООН.

Если бы вы, как и я, вернулись из этого древнего города на вершине большого холма, то не смогли бы не вспомнить длинный рассказ о его истории (был представлен на большом облупленном щите рядом с билетной кассой у входа на выставку) с подробным изложением попыток царей эламского города Сузы управлять городами-государствами и царствами Месопотамии. Там даже перечислялись артефакты, унесенные в качестве добычи эламскими налетчиками, включая знаменитую стелу, на которой был выбит свод законов Хаммурапи, – ее нашли при

раскопках в Сузах современные европейские археологи. Конец борьбе за власть был положен самым драматическим образом, когда город был разрушен ассирийским императором Ашшурбанипалом в VII в. до н. э.

Гораздо позже, желая изучить историю Месопотамии более подробно, я прочел описание тех событий, сделанное самим завоевателем на глиняной табличке, откопанной в развалинах Ниневии сэром Остином Генри Лэйардом: «Я завоевал Сузы – великий священный город, обитель их богов, хранилище их тайн. Я вошел в его дворцы, открыл их сокровищницы, где были собраны серебро и золото, товары и богатства... Я разрушил зиккурат в Сузах. Я разбил его сияющие медные зубцы. Я превратил в ничто храмы Элама, а их богов и богинь я пустил по ветру. Я опустошил могилы их древних и недавних царей, выставил на солнце и увез их кости в страну Ашшур. Я разорил провинции Элама, а их земли усеял солью».

А в Британском музее я рассматривал алебастровый барельеф с изображением этого события: ассирийские саперы ломами и кирками разрушают стены, в то время как языки пламени, простираясь над высокими городскими башнями, вырываются из главных ворот; людской поток, состоящий из пленников и солдат, несущих свою богатую добычу, идет через окружающий город лес.

И здесь стало очевидно, что ирано-иракская война – не отдельный конфликт, начатый неистовым злобным современным диктатором. Не зависевшая от местных, личных и временных факторов, она была очередной акцией в длившихся тысячелетия ожесточенных разногласиях (без сомнения, они будут еще долго продолжаться и в будущем), касающихся проблемы установления контроля над Месопотамией, то есть с запада или с востока будут управлять долиной Тигра и Евфрата.

Местонахождение земель, втиснутых между Аравийским полуостровом и Азией, между пустыней и горами, между семитами и иранцами, унаследованное от тех и других и хранящее им верность, определило судьбу этого региона с самого начала его истории.

Оказалось, что это нелегкое дело – глубоко погрузиться в далекое прошлое со всеми его нюансами. Вскоре я обнаружил, что всякий, кто желает лучше понять современную геополитику, вчитываясь в документы древних времен, немедленно сталкивается с настоящим расщеплением знаний о Месопотамии. Начиная с 1815 г., когда молодой британский подданный Клавдий Рич, проживавший в Багдаде, опубликовал свои «Мемуары о руинах Вавилона», мгновенно ставшие бестселлером и положившие начало растущему интересу во всей Европе к остаткам исчезнувшего мира, «полились потоком» научные и популярные книги, монографии, брошюры, статьи и научные труды, написанные для специальных изданий. Новые названия добавлялись каждый день. Несмотря на то что уже многое известно о жизни на древней равнине, расположенной между Тигром и Евфратом, тайн, с ней связанных, оказалось гораздо больше. Лишь незначительная часть общепризнанных мест, нуждающихся в археологических раскопках, исследована; только около миллиона документов, в настоящее время распределенных по музеям и частным коллекциям по всему миру, полностью изучены, расшифрованы и переведены. Во много раз большее их число, вероятно, еще ожидает своего явления миру. В 2008 г. в обувной коробке на полке в Университете Миннесоты нашли глиняный конус, покрытый надписями, который дожидался этого мига с 1970-х гг.; оказалось, на нем было описано правление ранее неизвестного нам царя Древнего Урука.

История – область знаний, которая постоянно изменяется. Не так давно почти все культурные изменения относили на счет вторжений и завоеваний, теперь же мы гораздо меньше в этом уверены. Четыре десятилетия назад еще считалось, что первая попытка создать империю, предпринятая Саргоном Аккадским, правившим около 2300 г. до н. э., представляла собой завоевание семитскими народами проживавших на этих землях шумеров. В настоящее время большинство фактов говорит о том, что эти два сообщества жили вместе мирно в этих краях с

незапамятных времен. Или, например, имя хорошо известного шумерского царя, правившего в 2000 г. до н. э., сначала читали как Дунги, а недавно, после уточнения, он стал Шульги. Одно шумерское имя, широко известное сейчас как Гильгамеш, впервые появилось в 1891 г. и читалось как Издубар. Тексты могут быть переведены совершенно по-разному и даже иметь противоположный смысл. Приговор в деле об убийстве, которое рассматривало Ниппурское собрание в XX в. до н. э., один ученый истолковал как осуждение одной из обвиняемых на смерть, а другой – как снятие с нее вины.

Постоянно пересматриваются даты. Древние жители Месопотамии имели свои собственные системы датировки – хотя их отчетам верить не обязательно. Например, некоторым их царям приписываются нереально долгие годы правления, но по-прежнему очень трудно найти эквивалент этим датам в нашем календаре. Помогает то, что ведение точных наблюдений за небом было одной из первых наук, упрочившихся в древние времена, а сильная вера в приметы и знамения приводила к тому, что велась тщательная запись необычных небесных явлений. Так как наша ньютоновская астрономия позволяет нам утверждать с точностью, когда согласно нашему календарю происходили такие предсказуемые события, как солнечные и лунные затмения, то должна появиться возможность проставить точные даты древних отчетов.

И все же тексты зачастую такие непонятные, а наши возможности осознать их язык даже после полутора веков исследований столь несовершенны, что трудно разобрать, о чем именно идет речь. Так, отчет, очевидно описывающий в деталях солнечное затмение и написанный на табличке, найденной в Рас-Шамре (Сирия) в 1948 г., гласит: «День Луны Хийару был посрамлен. Солнце зашло вместе со своим привратником Рашапом» (Рашап может оказаться названием планеты Марс). Одни ученые считали, что этот текст связан с солнечным затмением, которое произошло 3 мая 1375 г. до н. э. (позднее дата этого события была перенесена на 5 марта 1223 г.). Совсем недавно этот текст стали связывать с солнечными затмениями 21 января 1192 г. и 9 мая 1012 г. И тем не менее другие в равной степени уважаемые исследователи подвергли сомнению тот факт, что табличка вообще имеет отношение к солнечному затмению.

В результате таких разногласий правление известного законодателя Хаммурапи – царя Вавилона датировалось по-разному: 1848–1806 гг. до н. э. (длинная хронология), 1792–1750 гг. до н. э. (средняя), 1728–1686 гг. до н. э. (короткая) и 1696–1654 гг. до н. э. (сверхкороткая).

Эта проблема возникла давно. Уже в 1923 г. редактор журнала «Панч» сэра Оуэн Симан громогласно выразил свой протест в стихах, объявив, что его душевное спокойствие нарушилось, когда эксперт Британского музея по клинописи Сирил Гадд сдвинул дату окончательного падения ассирийской Ниневии назад на шесть лет:

Но я все же рассчитывал на Прошлое,
Считая, что оно незыблемо, как скала;
История, сказал я, стоит прочно;
И испытал ужасный шок,
Это был жестокий удар для меня,
Когда я услышал весть о Ниневии.

Нас учили, что в 606 году до н. э.
Тот безбожный город пал,
А теперь новоявленные записи устанавливают
Более раннюю дату.
Он пал на самом деле в 612 году,
Так что то, чему они нас учили, было неправдой.

Господин, который рассчитал эту дату,
Взял ее из глиняной таблички.
И мою душу сушат сомнения,
Когда я вижу, что старые истины уходят.
Такое крушение иллюзий (благодаря Гадду)
Наверняка может свести человека с ума.

Если мы вместе с сэром Оуэном улыбнемся над такими людьми, как Сирил Гадд, для которых важна разница в шесть лет на временном отрезке более двух с половиной тысячелетий и которые весь свой труд посвящают сбору точных деталей, непонятных мелочей, имеющих отношение к давно исчезнувшему миру, и продолжают с упорством советских стахановцев делать то, что многие сочли бы не соответствующим современным интересам, мы также должны будем признать, что без фактов не может быть знаний, а без них нет понимания. А любое понимание того, как люди жили в прошлом, должно как-то опираться на настоящее и иметь отношение к будущему.

Когда вплотную занимаешься поворотами истории, важно, как гласит пословица, видеть за деревьями лес. В случае с Древней Месопотамией (Междуречьем), хотя детали могут и меняться, причем радикально, а знания о ней – еще многократно увеличиться, модель все же узнаваема. За новыми деревьями по-прежнему различим «лес», сначала неясный и затененный, но тем не менее определенной формы и очертаний – независимый рассказ о Древнем Среднем Востоке, который появляется из того, что на протяжении полутора веков было собрано, благодаря упорному интеллектуальному труду и неиссякаемому энтузиазму ученых и исследователей-ассириологов, ошибочно названных так потому, что Ассирия является одним из действующих лиц этого повествования.

На мой взгляд, то, что приобретает очертания, оформляется, – это удивительно, замечательно, необычно и поразительно.

Мне этот рассказ кажется особенным из-за своей долговечности. Если история человечества, согласно большинству определений, начинается с письменности, то тогда рождение, расцвет и падение Древней Месопотамии занимают добрую половину всей цивилизации. То, что превратилось в письменность под названием «клинопись» – значки-клинышки, выдавленные тростниковой палочкой для письма на глиняной табличке, появилось около 3000 г. до н. э. Это стало началом, *terminus a quo*. Независимая Месопотамия исчезла из истории после завоевания Вавилона персидским царем Киром Великим в 539 г. до н. э. Это был конец, *terminus ad quem*. Она просуществовала приблизительно 2500 лет. С 500 г. до н. э. до наших дней – приблизительно та же временная дистанция. С современной точки зрения победа персидского императора имела место так же давно в нашем прошлом, как и Кир II был далек от зарождения цивилизации, которую он и покорил, и унаследовал.

Эта история кажется замечательной из-за своей целостности: тот же самый временной промежуток, который переносит нас из классической Греции через расцвет и закат Рима, Византии, исламского халифата, Ренессанса, европейских империй в современность, Месопотамия сохраняла единую цивилизацию, используя одну-единственную систему письма – клинопись и придерживаясь традиций в литературе, искусстве, науке и религии. Несомненно, существовали культурные несходства между различными ее областями в разные времена. Житель Шумера, живший в 3000 г. до н. э. и перенесенный в Ассирию VII в., конечно, пришел бы в сильное замешательство и испытал бы культурный шок. Тем не менее, хотя во время активизации арамейев один из двух языков этой цивилизации – шумерский прекратил свое существование, а другой – аккадский разделился на два различных диалекта, все же оба этих языка оставались в ходу у живших на ее территории народов. Последний великий ассирийский император Ашшурбанипал (669–633 до н. э.) гордился тем, что умел читать «искусные шумерские таб-

лички и на непонятном аккадском языке, который трудно правильно применять; мне доставляло удовольствие читать надписи, сделанные на камнях до Потопа».

Мне цивилизация Междуречья кажется необычной из-за своей креативности. На протяжении двух с половиной тысячелетий своего существования традиция, основанная на клинописи, изобрела или открыла почти все то, что мы ассоциируем с культурной жизнью. Начавшись как мир деревень эпохи неолита, сельскохозяйственных общин, которые в основном существовали на принципах самообеспечения, эта цивилизация превратилась не только в мир городов и империй, технологий, науки, закона, литературной мудрости, но и даже в нечто большее. То, что было названо мировой системой, в которой жили связанные между собой народы, общавшиеся, торговавшие и воевавшие друг с другом, распространилось по большей части земного шара. Таковы оказались достижения тех, кто использовал клинопись.

История Месопотамии поразительна также из-за того, что носители этой новаторской традиции не составляли одну нацию или один народ. С самого начала регион населяли по крайней мере две общины – семитская и несемитская; одна изначально была родом из пустынь, раскинувшихся на западе, а другая – возможно, с гор, возвышавшихся на севере. К этой этнической основе добавлялся генетический вклад многих захватчиков и завоевателей – гутиев (кутиев), касситов, амореев и арамеюв, которые почти в каждом случае усваивали шумеро-аккадские культуру и язык. Тех, кто не вносил вклад в развитие принятого ими образа жизни, всегда вспоминали с презрением. Оба героя С. Хусейна – аморей Хаммурапи и халдей Навуходоносор, равно как и многие другие главные фигуры в истории Месопотамии, были выходцами из неместных семей, из числа иммигрантов.

Таким образом, родившаяся цивилизация, которая процветала и погибла на территории, расположенной между двумя реками, являлась не достижением какого-то конкретного народа, а результатом живучести уникального объединения идей, стилей, верований и поведения. История Междуречья – это рассказ об одной непрерывной культурной традиции, пусть даже люди – ее носители и распространители в различные времена были разными.

Еще одна неожиданная особенность производит на меня сильное впечатление. Ввиду того что эта история еще не закончена и мы можем смотреть на нее с достаточного расстояния, нельзя не заметить, насколько древняя цивилизация Месопотамии вела себя и как живой организм, будто ею управляли законы природы. Это похоже на просмотр череды кадров, пущенных с увеличенной скоростью, как иногда показывают в телевизионных программах о природе: семечко дает росток, тот вытягивается, растет, кустится, зацветает, дает семена, размножается, вянет и погибает – все это в течение около полминуты.

Но разве общества, империи и цивилизации, которые создает человек, не являются продуктом случайных, зависящих от обстоятельств и по сути непредсказуемых решений, принятых отдельными разумными личностями, и не далеки ли они от математического детерминизма? Возможно, в меньшей мере, чем мы думаем. Нетрудно увидеть, что если можно было бы изобразить энергию, креативность и производительность цивилизации Междуречья в виде графика, то он выглядел бы как длинная кривая в форме колокола, поднимающаяся сначала незаметно от основания, растущая в геометрической прогрессии до высокой точки (сохраняя энергию и живучесть на протяжении значительного времени, хотя и не без колебаний), а затем без предупреждения быстро снижающаяся, прежде чем наконец выровняться и еще медленнее приблизиться к нулевой отметке. Вот так: рождение, развитие, зрелость, упадок, одряхление и окончательное исчезновение.

Приблизительно около 10-го тысячелетия до н. э., вскоре после того как окончательно растаяли ледники на континентах (хоть и очень медленно сначала), люди начали вести более оседлый образ жизни, объединяясь в деревенские общины, и, вместо того чтобы просто пользоваться возможностями, данными природой, начали контролировать растения и животных, которыми питались. Они стали сеять сельскохозяйственные культуры, содержать стада в заго-

нах; флора и фауна, жизненно необходимые для выживания людей, подвергались генетической модификации путем селекционного разведения, чтобы лучше служить их целям.

В этом относительно единообразном, обычно однородном и однотипном мире, в котором жили крестьянские деревушки, родилась идея цивилизации: в отдельном месте и в отдельно взятое время. Затем эта идея с удивительной скоростью распространилась и завоевала весь мир.

Но не все общины воспользовались этой возможностью. Что сдерживало тех, кто от нее отказался? Возможно, комфорт и эффективность их деревенского существования с хорошо налаженной повседневностью и отточенными навыками выживания. Как и во многих других областях человеческих устремлений, по-видимому, нужно было столкнуться с грубой реальностью Месопотамской аллювиальной равнины, сопротивлением этих негостеприимных окрестностей, трудностями жизни в этом неблагоприятном месте, чтобы заронить песчинку в устричную раковину – ядро, ставшее основой для огромного скачка человечества вперед.

Обработка новых земель Месопотамской равнины – потенциально плодородных, но на деле пустынных и бесплодных из-за очень небольшой годовой суммы осадков – требовала, чтобы люди объединялись для создания систем орошения. Американский автор немецкого происхождения Карл Виттфогель придумал термин «гидравлическая цивилизация» для обществ, в которых для необходимого контроля за расходом воды нужны были коллективные действия. Это стимулировало развитие организованной бюрократии, которая неизбежно, на его взгляд, привела к типичному для Востока деспотическому правлению. Данная идея, весьма влиятельная в начале XX в., больше «не пользуется уважением у ученых, которые обвиняют Виттфогеля в том, что он не позволяет фактам быть препятствием для привлекательной теории». И все же нельзя отрицать, что окружение этой территории двумя великими реками Среднего Востока действительно требовало от поселенцев этого края, для обеспечения их выживания, сотрудничества в организации ирригационных работ, что каким-то образом и привело к изобретению жизни в городах.

Остальное, как говорится, история. Начиная со своих таинственных, туманных истоков и до хорошо задокументированного конца Древняя Месопотамия выступала в роли экспериментальной лаборатории цивилизации: пробовала (зачастую до уничтожения) многие виды религий – от древнего обожествления сил природы до полноценного храмового жречества и даже первых шагов к монотеизму; разнообразные экономические и производительные системы – от государственного планирования и централизованного управления (их версии) до неолиберальной приватизации (их собственного варианта), а также разнообразные формы правления – от первобытной демократии и совещательной монархии до жестокой тирании и экспансивного империализма. Почти всему из вышеперечисленного можно найти аналогию в нашей недавней истории. Иногда кажется, будто древность служила генеральной репетицией для последующей цивилизации, нашей собственной, которая зародилась в греческих Афинах при Перикле – после гибели последней Месопотамской империи в VI в. до н. э. – и привела нас к тому состоянию, в котором мы сейчас находимся.

И хотя древние экспериментаторы уже давно умерли, их имена почти совсем забыты, их дома погребены, имущество рассеяно по свету, поля пусты, башни храмов разрушены, города скрыты под курганами песка, об их империях помнят – если помнят – только по названиям. Рассказ о них все же обещает дать нам знания о том, почему так, а не иначе мы живем сейчас. История не повторяется, но, как сказал Марк Твен, она рифмуется.

Глава 2.

Царский сан спущен с небес: «урбанистическая революция», до 4-го тысячелетия до н. э.

Эриду

Забудьте о современном транспорте, велосипедах, автомобилях и грузовиках, газующих по улицам Сент-Джайлс и Бомонт в Оксфорде, и зайдите в напыщенный, построенный в неоклассическом стиле Ашмолеанский музей. В стеклянной витрине в одной из галерей вы найдете глиняный предмет, квадратный в сечении, тусклого цвета, частично сломанный и покрытый чем-то, что на первый взгляд выглядит как птичьи следы. Возможно, вам придется изрядно поискать, чтобы найти его, потому что этот предмет всего 20 см высотой и 9 см шириной.

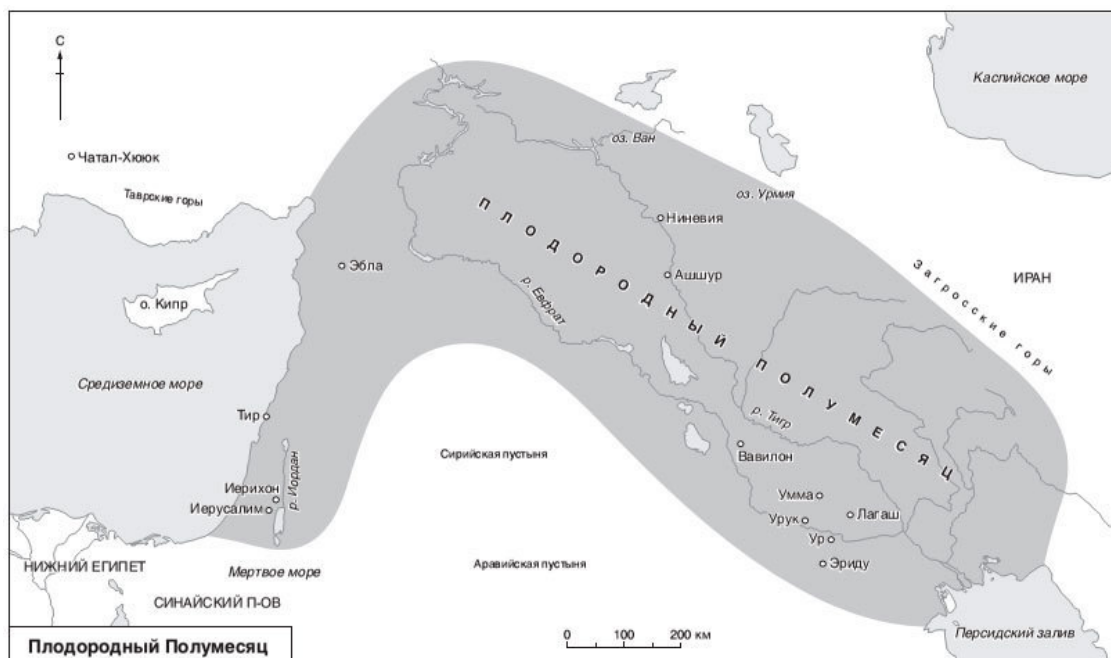
Он не выглядит сколько-нибудь значительным, однако таковым является. Посмотрите на него внимательно, и он перенесет вас назад через время к истокам цивилизации. Этот предмет называется «призма Вельда – Бланделла» по имени благотворителя, который купил его во время своего пребывания в Месопотамии весной 1921 г. Архитекторы Викторианской эпохи, вроде К. Р. Кокрелла, который в 1841 г. взял за основу плана музея план храма Аполлона в Бассах, полагали, что они прославляют корни нашей цивилизации. Но призма направляет нас еще дальше назад, задолго до греков, царя Соломона, Моисея, патриарха Авраама, даже задолго до Ноя и Потопа, ко времени, когда впервые в воображении людей появились города.

Птичьи следы – письмо: две колонки плотно написанного на каждой из четырех граней призмы текста, в котором зашифрована древняя версия Списка шумерских царей – это длинное и исчерпывающее перечисление династий разных месопотамских городов и годов правления их властителей. Какие-то из них совершенно невероятные, вроде царя Алулима, который правил 28 тысяч 800 лет, и Аалгара, правившего 36 тысяч лет. Но этот список прослеживает царей от Эриду до Бад-Тибиры, Ларсы, Сиппара, Шуруппака – «а затем нахлынул Потоп». Письменные значки были нанесены на призму безымянным писцом в городе Ларса в Вавилонии приблизительно в 1800 г. до н. э.

Клинописные тексты могут выглядеть бесцветными и неинтересными, но в них поистине есть нечто удивительно сокровенное. Я не могу отделаться от мысли, что эти значки нанес человек, который имел, вероятно, семью, жену (ученые полагают, что писцами были главным образом мужчины) и детей, жизненный опыт которого – строптивые подростки, споры с начальством, – вероятно, не сильно отличался в те времена от опыта в нашем с вами обществе. Если бы мы так же хорошо знали клинопись, как древние писцы, то наверняка разбирались бы в ее индивидуальных стилях. Жаль, что знакомство с ней для большинства из нас недоступно. Клинопись чрезвычайно трудно читать, но ученые, по крайней мере, сумели разобрать то, что написано на табличке. Текст начинается так: «После того как царский сан был спущен с небес, в Эриду появилось царство».

Писец из Ларсы не придумал это. Самая древняя известная версия Списка царей, скорее всего, была составлена по устным преданиям гораздо раньше – старшим чиновником при дворе «Владыки Четырех Сторон Света», как величал себя незадолго до 2100 г. до н. э. шумерский царь Утухенгаль из Урука, первого настоящего города в мире, расположенного на самом юге Месопотамии. Его цель, по-видимому, была политической. Утухенгаль вел войну с целью изгнания гутиев – оккупантов-варваров, пришедших с Иранских гор на восток и не имевших никакого понятия ни о цивилизации, ни о ее ценности – они на целый век погрузили Южную Месопотамию во «тьму». Теперь Утухенгаль хотел показать, что во всем Шумере существовал

только один законно правящий город – Урук, а он, его владыка, по праву является наследником царской власти надо всем этим краем. Это, конечно, была выдумка, но такая, в которой имелось зерно правды: ведь все жители Междуречья знали, что цивилизация зародилась в Эриду, далеко на юге, на берегах Южного моря (для нас это Персидский или Аравийский залив) в местечке, которое в наши дни называется Абу-Шахрейн и находится уже в 190 км от воды.

Через 2 тысячи лет после правления Утухенгаля его цивилизация угасла. Об Эриду забыли, его местонахождение было потеряно, пока в 1854 г. по поручению Британского музея Джон Тейлор, почетный представитель Восточно-Индийской компании и британский вице-консул в Басре, не начал раскапывать, по его определению, Халдейские болота. Там он нашел несколько курганов и «разрушенное укрепление в окружении высоких стен с цитаделью или башней с одной стороны» на вершине холма рядом с центром высохшего озера. Это место было наполовину скрыто в долине шириной около 25 км, которая своим северным концом выходила к Евфрату. Большая ее часть, писал он, оказалась «покрыта азотистыми твердыми осадками, но местами были небольшие участки наносной земли, скудно поросшие кустарником и растениями, характерными для пустыни». Также поблизости, на северо-западе долины, Тейлор нашел неотчетливые следы древнего канала шириной 5,5 м. Он знал, что наткнулся на важные руины, потому что, по словам человека, проводившего раскопки позднее, «характерной чертой Шахрейна является „веер“ детрита, который простирается вокруг курганов и который принес с собой в пустыню тысячи предметов, относящихся к нижним пластам самих курганов... Каждую зиму дождевые паводки размывают неплотные песчаные курганы... и тащат с собой то, что осталось от всех эпох».

Будучи кадровым дипломатом, не обученным технике ведения археологических изысканий, Тейлор беспорядочно вырыл несколько ям и, к своему разочарованию, не нашел впечатляющих артефактов, которые он рассчитывал отправить на родину в Британский музей. А одна находка – «красивый, вырезанный из черного гранита лев» – была оставлена на месте ввиду нехватки транспорта. Но он все же нашел несколько кирпичей с клинописными надписями. Некоторых знаков, которые удалось прочесть всего лишь несколькими годами ранее, оказалось вполне достаточно, чтобы понять, что Тейлор обнаружил знаменитый древний священ-

ный город Эриду – место, где, как было известно царю Утухенгалю и всем древним жителям Месопотамии, началась цивилизация.

Абу-Шахрейн (название означает «отец лун-близнецов», возможно взятое из надписей на найденных здесь древних кирпичях с оттисками полумесяцев – символов бога луны) очень не похож на то место, откуда человечество могло сделать такой важный шаг. Сухие, пыльные и пустынные холмы желто-коричневого цвета выглядят такими же смятыми, как и постель после сна. Вокруг них простираются вдаль бесконечные, голые и ровные пески. В поле зрения нет ничего, что говорило бы о жизни, человечестве, прогрессе и достижениях. Даже река, когда-то сделавшая Эриду обитаемым местом, теперь так далеко, что ее не видно.

Чтобы понять историю этого края, нужно представить себе совершенно другой пейзаж, перевести часы назад почти на 7 тысяч лет, пока на юге вы не увидите соленые воды залива, по которому идут морские суда из (современных) Бахрейна, Катара и Омана. Океанские волны проникают в землю и образуют обширные морские топи, кишашие рыбой, животными и птицей, чтобы дать пищу бурно растущему населению. Нужно перенестись туда, где пески пустыни современной иракской провинции Аль-Мутанна переходят в покрытую травой и кустарником степь, которая кормит племена, разводящие овец и коз, мигрирующие к искрящимся озерам – от них сейчас осталось огромное песчаное море Ан-Нафуд в Саудовской Аравии. Туда, где по хорошо протоптанной дороге, по которой возили товары в Южную Месопотамию с Иранского нагорья на востоке еще в те древние времена, снова терпеливо шагают люди, несущие на своих спинах огромные тюки; они идут группами для защиты от диких зверей и грабителей (одомашнивание выючных животных, даже ослов, не говоря уже о верблюдах и лошадях, еще в будущем). Туда, где небольшой холм в центре расположенной ниже окрестных речных наносов шестиметровой впадины, похожий на кратер, оставшийся от падения метеорита, поднимается над пресными водами огромного заболоченного озера, полного рыбы и пресноводных моллюсков, привлекая людей и животных со всей округи. Это озеро шумеры называли Абзу и думали, что здесь пресные подземные воды Мирового океана, на которых плавает сама Земля, поднялись на ее поверхность. Нужно перенестись туда, где великая река Евфрат, постоянно изменяющая направление своего извилистого течения по равнине, откладывая толстый слой ила на территории, наклонно понижающейся менее чем на 6 см на каждый километр, течет совсем близко, неся на себе, вероятно, на лодках первопроходцев с севера, уже имеющих опыт строительства оросительных канав и каналов для отвода воды.

Их умения были очень востребованы. Евфрат далеко не спокойная и дружелюбная река, как Нил с подъемами воды в конце лета, происходившими с регулярностью часового механизма и подготавливавшими землю к севу озимой пшеницы. Шумеры называли Евфрат «Буранин» (народная этимология, привлекательная, но ничем не подкрепленная, наводит на мысль, что это название происходит от шумерских слов, означающих «большой несущийся потоп»). Он периодически и непредсказуемо разрушает свои берега весной, когда семена, уже находящиеся в земле, нужно сначала защитить от того, чтобы они не были затоплены паводковыми водами, а затем – от высыхания под палящим солнцем, испаряющим более половины речного стока, прежде чем Евфрат достигнет моря.

Так что люди, которые первыми поселились здесь, построили себе тростниковые хижинки у края воды, распахали поля, чтобы взрастить пшеницу и ячмень, разбили сады, чтобы выращивать овощи и финиковые пальмы, вывели своих животных пастись в степь, не выбирая себе путь наименьшего сопротивления. Если бы они хотели легкой жизни, они организовали бы свои поселения там, где достаточная ежегодная сумма осадков упрощает сельское хозяйство за невидимой линией, устанавливающей границу региона, в котором каждый год выпадает более 200 мм осадков, – географы называют ее изогией 200 мм. Эта линия изгибается огромным полукругом от подножия Загросских гор на востоке, проходит мимо Таврских гор на севере

и выходит к средиземноморскому побережью на западе, образуя фигуру, которая подсказала американскому археологу Джеймсу Генри Брестеду назвать ее Плодородным Полумесяцем. В Южной Месопотамии внутри этого изгиба за год почти не выпадают никакие осадки. Здесь у пришедших сюда людей были только реки для полива своих посевов, но, чтобы даже организовать его, им пришлось сначала изменить саму землю с помощью плотин, сточных канав, рвов, водохранилищ и каналов.

В других уголках мира на протяжении нескольких тысяч лет мужчины и женщины счастливо жили благодаря сельскому хозяйству, прекрасно приспособленному к их нуждам и желаниям, и вели тот образ жизни, который едва ли изменился по своей сути до наших времен. Действительно, во многих местах так продолжается и по сей день. Этого оказалось недостаточно для первопроходцев Месопотамской равнины. У них не иссякли земли, пригодные для традиционного сельского хозяйства: население было очень небольшое и сильно рассредоточенное и оставалось достаточно места для новых сельскохозяйственных поселений. Но те, кто пришел сюда, очевидно, не пожелали, как их предки, приспособлять свой образ жизни под природные условия в том виде, в каком они их нашли. Вместо этого они были полны решимости сделать обратное.

Это был революционный момент в человеческой истории. Вновь прибывшие сознательно ставили себе цель – ни много ни мало изменить мир. Они самыми первыми взяли на вооружение принцип, способствовавший прогрессу и развитию на протяжении истории, который по-прежнему двигает большинством из нас в настоящее время, – убеждение в том, что право, миссия и судьба человечества – преобразовать и улучшать природу и становиться ее хозяином.

С начала 4-го тысячелетия до н. э. последующие 10–15 веков народ Эриду и их соседи заложили фундамент почти всего, что нам известно как цивилизация. Это назвали «урбанистической революцией», хотя изобретение городов на самом деле было самой меньшей ее частью. Вместе с городом пришли централизованное государство, иерархия общественных классов, разделение труда, упорядоченная религия, монументальное и гражданское строительство, письменность, литература, скульптура, искусство, музыка, образование, математика и право. Кроме того, Южная Месопотамия подарила нам огромное количество изобретений и открытий, начиная от таких основных, как колесные средства передвижения и парусные корабли, и заканчивая обжиговой печью, металлургией и созданием синтетических материалов; а самое главное – пришло множество знаний и идей, настолько фундаментальных для нашего видения мира – вроде общего представления о числах или весе независимо от реальных исчисляемых или взвешиваемых предметов (число десять или 1 кг), что мы давно уже воспринимаем их как нечто само собой разумеющееся.

Писец, который написал текст на ашмолеанской призме, как и дворцовый чиновник при дворе царя Утухенгаля, знал, как произошел этот гигантский скачок вперед: царская форма правления была дарована Земле небесами. Это недалеко от предположений крайне упрямых современных толкователей, вроде Эриха фон Дэникена и Захария Ситчина, которые связывали ее с пришельцами из космоса. Другие на основе предрассудков своего времени объясняли такой подъем тем, что здесь собрались представители разных народов со своими характерами и способностями; марксистская теория подчеркивала социальные и экономические факторы, к одной из книг крупнейшего советского востоковеда Игоря Михайловича Дьяконова дан подзаголовок: «Рождение самых древних классовых обществ и первых центров рабовладельческой цивилизации». В настоящее время модной стала идея окружающей среды: меняется климат, фазы очень жаркой и сухой погоды чередуются с ее более дождливыми и холодными периодами, что вынуждает людей адаптировать к этому свой образ жизни. И все же другие исследователи считают, что появление цивилизации – неизбежное следствие начавшихся в конце последнего ледникового периода эволюционных изменений человеческого разума.

Однако и древние, и современные ученые относятся к людям как к пассивным объектам, мишеням сторонних сил, которые подвергаются их воздействию и являются послушными орудиями внешних факторов. Но мы, люди, на самом деле не такие, мы реагируем не столь бездумно.

Исследователи должны учитывать вечный конфликт прогрессисты – консерваторы: между стремлениями смотреть вперед и назад, между теми, кто предлагает: «Давайте сделаем что-нибудь новое», и теми, кто считает: «По старинке-то лучше», между теми, кто говорит: «Давайте это усовершенствуем», и теми, кто думает: «Если это не сломалось, не трогай его». Ни одно большое изменение в культуре не происходило вне такого контекста.

Так, произошедшая в период неолита революция, которая привела наших предков, живших небольшими родовыми общинами, от охоты и собирательства к оседлой жизни в деревенской общине и ведению сельского хозяйства ради пропитания, массово уничтожила умения, культуры и языки в человеческой истории. Накопленные в течение десятков тысяч лет знания и замысловатые традиции были отменены в сторону. Недавние исследования этого поворотного исторического периода дают право сделать вывод: ни одна группа охотников-собирателей просто не смогла бы отказаться от всего, что она знала, и не начала бы заниматься сельским хозяйством на одном месте, не вступив в колоссальную войну идей.

Охота и собирательство давали сравнительно легкие средства к существованию. Новые методы на первый взгляд были гораздо труднее и менее полезны, чем те, которые так долго уже служили человечеству.

Для автора Бытия революция в новом каменном веке означала падение человека: «Проклята из-за тебя земля; в печали будешь кормиться с нее до конца дней твоей жизни. Колючки и чертополох будет она родить тебе, и будешь ты питаться травами полевыми. В поте лица своего будешь ты добывать хлеб свой». Ту же самую идею недавно дополнил ученый и писатель Колин Тадж: «Заниматься сельским хозяйством в эпоху неолита было явно тяжело: первые народы-земледельцы были менее крепкими, чем предшествовавшие им охотники и собиратели, и страдали от расстройств пищеварения, травм и инфекций, от которых были избавлены их предки». В таком свете кажется, что важный переход к сельскому хозяйству как основе жизни осуществился лишь благодаря распространению мощной идеологии, неизбежно выраженной в те времена в форме новой религии, распространявшейся, как выразился выдающийся исследователь доисторических времен Жак Ковен в своей книге «Рождение богов и происхождение сельского хозяйства», с «мессианской самоуверенностью».

Следующая важная смена ценностей и идей привела в конечном счете от деревенского сельского хозяйства к нашей цивилизации городов. Урбанистическая революция оказалась не такой разрушительной по отношению к старым традициям, как переход от охоты и собирательства к сельскому хозяйству. Но те, кто выбрал этот путь, как уверенные в себе и независимые личности все же должны были от многого отказаться, включая свою независимость, свободу и саму идентичность. Вероятно, очень сильная вера убедила их последовать за мечтой, исполнение которой было непредсказуемо далеким где-то впереди; она смогла убедить мужчин и женщин, что это стоит жертв: жизнь в городах давала возможность лучшего будущего, и казалось реальным сделать его отличным от того, к чему все привыкли. Это был, прежде всего, идеологический выбор.

Истоки этой идеологии похоронены в песках Эриду. Где, если не здесь, мы могли бы наблюдать процессы, которые привели к появлению древнего города.

Бог прогресса

После Второй мировой войны Великобритания готовилась уйти из Ирака, что должно было стать значимым событием для этого региона. После того как Междуречьем правили Ахемениды, греки, римляне, исламские халифы, монголы, иранские Сасаниды, турки Османской империи и англичане, она должна была стать по-настоящему свободной и независимой впервые приблизительно за два с половиной тысячелетия – со времен завоевания Вавилона персидским царем Киром Великим в 539 г. до н. э.

Более 4 тысяч лет назад, после изгнания гутиев урукский царь Утухенгаль восстановил независимость шумеров и утвердил законность своей власти, приказав составить Список шумерских царей, начиная с дарованного небесами царства Эриду. В XX в. Генеральный директорат древностей Ирака принял решение отметить независимость страны и отдал распоряжение провести исследовательские раскопки в Абу-Шахрейне, чтобы продемонстрировать «сильную неразрывную связь с прошлым Ирака».

Когда археологи раскопали обнаруженную Джоном Тейлором огромную «разрушенную крепость», датированную теперь до нашей эры, под одним из ее углов они нашли гораздо меньших размеров постройку, оказавшуюся более древней – на 2 тысячи лет. Под ней находилось еще 16 культурных слоев, уходивших назад, к началу 5-го тысячелетия до н. э. Вскоре ученые достигли «дюны из чистого песка», на которой и была возведена первая «примитивная часовня» площадью чуть более трех квадратных метров – из высушенных на солнце кирпичей с возвышением для исполнения обетов напротив входа и нишей, возможно для скульптурного изображения.

Такое наслоение привело археологов в восторг: теперь они могли проследить историю этого места во всех подробностях на протяжении нескольких тысяч лет и узнать нечто важное о людях, которые здесь строили. Постройки из высушенного на солнце кирпича требуют постоянного ремонта. Именно его отсутствие, а не уничтожение превратило большинство древних шумерских городов в курганы пыли. И все же архитекторы древнего Эриду не довольствовались восстановлением или обновлением имевшихся зданий. Каждое строение, которое они возвели поверх почтительно сохраненных остатков предшественников, было крупнее и качественнее. Простая «часовня» площадью три с половиной на четыре с половиной метра спустя тысячелетие превратилась в храм монументальных пропорций: его внутреннее помещение – целла имела в длину 15 м. В отличие от современников древние архитекторы не были рабами традиций: никогда не довольствуясь достигнутым, они постоянно стремились к совершенству. Около десяти веков они сносили и возводили заново эти постройки одиннадцать раз – в среднем один раз в 90 лет, демонстрируя, что они горят нетерпением убрать старое и радушно приветствуют новое, почти как современные американцы.

Храм в Эриду являлся символом общины, члены которой придерживались (наверное, можно даже сказать об изобретении в качестве идеологии) идеи прогресса; они верили в то, что можно и даже желательно постоянно трудиться, чтобы будущее могло стать лучше, чем прошлое. Божественная сила, которую прославляли и почитали здесь, была выражением, воплощением и олицетворением этой идеи – бога или богини Цивилизации, никак не меньше.

Как же божество прогресса, которое помогло заложить фундамент современного мира, впервые придумали здесь, в этом заброшенном теперь месте? Это произошло непременно до изобретения письменности, так как она сама по себе была одним из более поздних продуктов этой прогрессивной идеологии. Все, что у нас есть, – это немые свидетельства, найденные археологами.

Они обнаружили слишком мало: керамику, естественно разбитую и целую – изящные тонкостенные, красиво украшенные изделия, которые можно было найти по всей Месопотамии того времени; посуду – не повседневную, а хрупкую и дорогую, по-видимому сделанную для сливок общества; несколько незначительных бусин, безделушек, амулетов и терракотовых статуэток. Но в основном археологи находили золу и рыбы кости в огромных количествах: под полом, за стенами, на алтарях и даже в специально отведенных для этого комнатах. Изучение костей показало, что, возможно, священные ужины с рыбой играли важную роль в каких-то проводившихся здесь религиозных ритуалах.

Первые верующие пришли, вероятно, с отдаленных берегов Абзу – лагуны Эриду. Наверное, случилось что-то, что привлекло путешественников и было признано ими духовной силой, сверхъестественным влиянием, которое греки называли *pnumen* – Одобрение Бога. Египтолог Энтони Донохью показал, что несколько, а быть может, и большинство крупных религиозных центров Древнего Египта было построено в тех местах, где египтяне видели образы своих богов в природном ландшафте. В Эриду нет скал – только песок, ил и соль. Но вероятно, здесь произошло какое-нибудь событие – разразилась сильная буря и сверкнула огромная молния – на всю долину Евфрата, или здесь с громовым раскатом упал метеорит, пробил толстую корку и высвободил, словно чудом, из-под земли пресные грунтовые воды (к такому выводу пришла исследовательская группа в Южной Африке), или на поверхность поднялась прохладная пресная вода вопреки безжалостно палящему солнцу над солеными болотами. Можно допустить, что визиты сюда людей были сначала случайными, приуроченными к краткому сезону подъема воды, когда болото становилось озером порядочного размера, как это иногда бывает и в наши дни. Приходившие люди, вероятно, принадлежали к различным социальным группам; это могли быть те, кто проводили остальную часть года далеко друг от друга, относились к разным культурам, говорили на разных языках и уж точно придерживались собственного образа жизни. Даже сегодня любой человек, знакомый со страной, вроде Мали в Западной Африке, в которой все еще господствуют старые обычаи, знает, как быстро далекий барабанный бой из деревни, в которой танцуют танец в масках, может привлечь сотни людей из окрестных мест к берегам реки Нигер – земледельцев, говорящих на языке бамбара, рыбаков народа бозо, кочевников-фулани, торговцев из племени сонгхей.

Легко догадаться, что те, кто приходил к священному Абзу, объединялись на ритуальном праздновании богатого улова на болотах: в самых древних культурных пластах, раскопанных на этом месте, нашли массу раковин пресноводных моллюсков. Для наших предков пища никогда не утрачивала своего ритуального значения (как и в наши дни для верующих людей). Здесь, в Эриду, с его мистическими ассоциациями, священный прием пищи должен был быть серьезным, хотя и не обязательно торжественным событием. И из этого регулярно повторявшегося, может, ежегодно, а может, и раз в месяц мероприятия у священного болота на берегу моря постепенно сложилась совершенно новая групповая идентичность – «те, кто пришел к Абзу». Эти первопроходцы-поселенцы Южной Месопотамии своим присутствием и живучестью демонстрировали свой выбор – изменить земной ландшафт и обеспечить себе другое, лучшее будущее. Религиозные обряды, которые они исполняли у кромки воды, навсегда должны были связать божественный дух Абзу с этой верой.

Однажды – невозможно сказать, после скольких веков, – люди решили, что нужно построить постоянное святилище для их водного духа прогресса в виде небольшой часовни. Его прочность была поразительно необычной для этой местности. В то время как «те, кто пришел в Абзу», подобно всем остальным жителям этого края и местным арабам, которые жили в домах, построенных из связанного в пучки и переплетенного тростника, задуманный ими памятник решили построить из кирпича. Это стало сигналом, свидетельствовавшим о начале нового этапа в истории.

Культуру, как подчеркнул британский археолог Колин Ренфрю, не следует рассматривать как нечто, просто отражающее общественную реальность; вместо этого она может быть процессом, с помощью которого эта реальность получает свое существование. В своей книге «Предыстория: как сложился человеческий разум» Ренфрю рассматривает, что происходит, когда задумывается проект постоянного памятника.

«Чтобы осуществить его, довольно небольшой группе жителей территории, о которой идет речь, нужно вложить огромное количество своего времени. Им также может понадобиться помощь соседей, проживающих на прилегающих территориях, которых, без сомнения, стимулировала к этому перспектива поучаствовать в местном праздновании и пире. Можно представить себе, что, когда строительство памятника было закончено, он сам по себе мог стать местом дальнейших ежегодных церковных служб и празднеств. С той поры он служил и как место захоронения, и как общественный центр этой территории».

Так памятник становится центром того, что вскоре появится как непосредственный результат их деятельности, – соседской общины.

Более того, в этом уголке мира, где часто с пустыни дуют ветры, несущие песок, сглаживающий все знакомые приметы местности, направления течения рек всегда меняются, и губительные наводнения часто уничтожают всякую отметку, которую люди пытаются оставить на ландшафте, постоянный памятник имеет особенно большое значение. Внезапно включенный в меняющийся калейдоскоп повседневной жизни, он внушает чувство непрерывности и, следовательно, чувство истории и времени. Человек может посмотреть на эту постройку, подумать: «Мой предок помогал ее строить» – и почувствовать связь со своими корнями, родом и давно исчезнувшим прошлым. А повторявшиеся расширение и усовершенствование постройки, всегда тщательно сохраняющие остатки старины под или внутри своей структуры, выступали в роли видимого издали символа той веры в прогресс и развитие, материальным следствием которых являлся этот памятник.

Эта идея не осталась незамеченной соседями Эриду. Этот первый памятник – воплощение страны Шумер служил для них вдохновением, примером и образцом для подражания. С годами поблизости сформируются новые общины верующих, и другие храмы другим богам будут «посеяны, как брошенные в почву семена», по всему этому региону, где долины Тигра и Евфрата тянутся к Южному морю.

Существуют неясные воспоминания о тех временах в той версии истории, замаскированной, идеализированной и политизированной в гораздо более поздних мифах, которые шумеры и их потомки сочинили о своем происхождении и богах. И всегда с той поры, пока существовала месопотамская цивилизация, они помнили, что каждый город был основан по повелению собственного особого божества как его или ее обитель на земле. Названия городов писали с помощью символа, означавшего «бог», знака-символа имени бога и символа, определявших «место»: «Ниппур» писали как «бог-Энлиль-место», а «Урук» – «бог-Инанна-место» (шумерские клинописные значки-слова или логограммы обычно изображают заглавными буквами латинского алфавита).

И с той поры бога, почитаемого в Эриду, помнили как вдохновителя и основоположника ремесел цивилизации. В несколько неожиданном ракурсе его помнят и по сей день.

Топографические названия – топонимы, то есть названия рек, гор и долин относятся к самым консервативным и архаичным реликвиям человечества. В Англии реки Хамбер и Уз получили свои названия на неизвестном языке и носят их со времен неолита; во Франции место под названием Париж увековечивает память о кельтском племени железного века – паризиях.

То, что достоверно в отношении земли, еще более достоверно в отношении неба, которое со временем меняется меньше. Названия, под которыми мы знаем созвездия и знаки зодиака, в основном относятся ко временам древних греков; некоторые, вроде Льва и Быка, мы унаследовали от вавилонян. А одно название, вероятно, даже еще более древнее: далекое, очень сла-

бое, но все еще звучащее эхо истории, которую древние рассказывали о боге, дом которого был построен в Эриду. Если вы живете в Северном полушарии и выйдете с картой звездного неба между девятью и десятью часами в безоблачный сентябрьский вечер, глядя на южный горизонт, то увидите группу слабо светящихся звезд, расположенных в форме треугольника. Они составляют созвездие Козерога. Нелегко различить, но, приложив к этой фигуре воображение, вы сможете увидеть в ней морского козла, верхняя часть туловища которого – козел, а нижняя – рыба. Это, вероятно, самое древнее созвездие, которое было замечено, наверное, потому, что в древние времена зимнее солнцестояние – самый короткий день в году – происходило тогда, когда солнце находилось в созвездии Козерога. И может быть, потому, что образ, выложенный звездами, с самого начала отождествляли с богом прогресса Эриду.

Одним из магических моментов древней истории Месопотамии является то, что она проливает свет на происхождение многого из того, что характерно для нашего мира в части религиозных мифов. Разумеется, имеется в виду не то, что религия впервые зародилась здесь, на аллювиальной равнине к северу от Персидского залива. Религии, безусловно, столько лет, сколько и самому человечеству, и даже больше; ее возникновение относится к тем временам, когда наши предки, существовавшие на Земле до появления человека, начали хоронить своих мертвых с определенными ритуалами. Но здесь, на этой земле, где началась их новая жизнь, поселенцам пришлось повторять процесс создания религии. Мы можем быть свидетелями того, как появились по крайней мере некоторые рассказы о богах, увидеть, сколько месопотамских божеств возникло в человеческой фантазии как олицетворения, ипостаси сил природы.

«Я не много знаю о богах, но я думаю, что река – это сильный коричневый бог, мрачный, неукротимый и непокорный», – писал Т. С. Элиот. Торкильд Якобсен, один из гениальных исследователей Шумера XX в., привел пример бога Нингирсу, «Владыки Гирсу» – главного района города-государства Лагаш, божества, ассоциировавшегося с войной и уничтожением.

«Нужно понимать, – писал он, – что Нингирсу был олицетворением ежегодного разлива реки Тигр. Каждый год, когда зимние снега начинают таять в горах Ирана, они льются водой с гор к их подножию многочисленными горными ручьями, и уровень воды в Тигре поднимается. В богословии это переживалось как дефлорация девственных предгорий Нинхурсаг – Богини Предгорий высокими горами Кур-гал; воды половодья олицетворяли собой его семя. Кур-гал – его другое имя Энлиль – таким образом является отцом Нингирсу. Мать Нингирсу – Нинхурсаг, Богиня Предгорий, и красновато-коричневый цвет разлившихся вод, появившийся от глины, которую несут с собой воды, протекая по предгорьям, представляется как кровь, являющаяся результатом этой дефлорации.

Паводок, к которому все это относится, сам бог Нингирсу внушает поистине благоговейный страх. Я видел, как вода в Тигре, протекающем через Багдад по широкой долине, поднимается на высоту больше четырехэтажного дома – зрелище, которое не так легко забыть».

Или возьмем птицу, известную как Зу, Анзу или Имдугуд. Солнце нещадно жжет равнину Шумера большую часть года. Но время от времени происходит внезапная буря. На южном горизонте сначала появляется чернильно-черная туча, которая поразительно быстро расширяется до тех пор, пока не затмевает все небо, и атакует землю под собой громом, молнией и ливневым дождем. Затем так же быстро туча исчезает в противоположном направлении. Нетрудно понять, почему шумеры предпочитали представлять себе эту грозную тучу как огромную и наводящую ужас птицу грома с головой льва и крыльями орла.

Эти образы – более чем простые олицетворения. Толкование явлений природы в таких подробностях как действия богов демонстрирует буйную фантазию и поэтическую восприимчивость высочайшего порядка, акцентирующие восприятие религии как величайшее из всех коллективно созданных человечеством произведений искусства. Со временем, конечно, как это происходит со всеми метафорами, их свежесть блекнет; яркие образы, в которых сначала представляли боги, упрощаются до простого символа. Бога, почитаемого в Эриду, творческий и

художественный потенциал, присущий водам, несущим плодородие, «непостижимая внутренняя воля к созиданию в Океане», как писал Т. Якобсен, «стали рассматривать как гигантского дикого горного козла, рога которого торчали над водой в виде тростника». Так, Козерог – рогатый козел над уровнем воды и рыба в воде (также отражающая, мне хочется думать, его происхождение среди рыбаков и пастухов) есть образ, посредством которого память о нем передавалась потомкам. Также помнили и об Абзу – священном озере, из которого он появился; позднее оно предстало в виде чаши с пресной водой, устанавливаемой в каждом месопотамском храме, возможно, также в виде *вуду* или бассейна для омовений, имеющегося у каждой исламской мечети, и, может быть, даже в виде крестильной купели христианской церкви.

В более поздние времена бога Эриду изображали на печатях одетым в шерстяную мантию с рогатой короной на голове, с двумя текущими из его плеч потоками воды, полными рыбы, которые, вероятно, олицетворяли реки Евфрат и Тигр. Когда 2 тысячи лет спустя после основания храма шумерские писцы начали записывать свои мифы, открылось его имя. Тексты свидетельствуют, что Эриду был домом для бога Энки – Владыки Земли, царя Эриду, царя Абзу. Еще позднее Бытие (4: 17–18) делает его сыном Каина: «И от Эноха (Энки) был рожден Ирад (Эриду)».

Жители Междуречья считали Энки богом, который несет человечеству цивилизацию. Именно он дает правителям ум и знания, «открывает двери понимания». Он учит людей строить каналы и планировать храмы, «ставя их колышки для разметки фундамента точно в нужных местах»; «приносит изобилие в сверкающих водах». Он не правитель Вселенной, а мудрый советник богов и их старший брат, глава пантеона богов, Нудиммуд – созидатель, рождающий образы, покровитель ремесленников и мастеров. Энки прообраз в рассказе о Вавилонской башне: именно он разделил людей по языковому признаку, что, безусловно, является толкованием многочисленности языков, на которых говорили его первые верующие.

Энки, Бог изобилия, отдающий заслуживающие доверия приказы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.